

Минор Александр Яковлевич

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МАРКСШТАДТСКОГО ДИАЛЕКТА

В статье рассматривается процесс формирования колониального койне в самой крупной немецкой колонии в Поволжье - Екатериненштадте (Марксштадте), исследуются лингвистические и экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на статус и форму данного диалекта. На примере морфологической системы и некоторых фонетических процессов показывается, в каком виде сформировался единый язык общения жителей данной колонии к началу XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 117-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

FINNO-UGRIC BORROWINGS IN THE PERM DIALECT OF THE TATAR LANGUAGE

Mel'nikova Galina Vladimirovna

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Arts
Tatarstan Academy of Sciences
nightvolga@mail.ru

The article discusses the Finno-Ugric lexical borrowings in the vocabulary of the Perm dialect of the Tatar language, their ratio in the Tatar literary language and dialects, as well as their lexical and thematic and lexical-semantic features. The multivariance of the considered words and the presence of a wide range of semantic nuances are also mentioned.

Key words and phrases: Finno-Ugric borrowings; Perm dialect; Tatar dialects; dialects; dialect vocabulary.

УДК 81-2

Филологические науки

В статье рассматривается процесс формирования колониального койне в самой крупной немецкой колонии в Поволжье – Екатериненштадте (Маркштадте), исследуются лингвистические и экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на статус и форму данного диалекта. На примере морфологической системы и некоторых фонетических процессов показывается, в каком виде сформировался единый язык общения жителей данной колонии к началу XX века.

Ключевые слова и фразы: диалекты поволжских немцев; условия формирования единого языкового варианта коммуникации в условиях иноязычного окружения (языкового острова); морфологическая система колониального койне.

Минор Александр Яковлевич, к. филол. н., доцент

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
a-minor27@yandex.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МАРКШТАДТСКОГО ДИАЛЕКТА[©]

Статья написана в рамках гранта «Социолингвистические предпосылки формирования единого языка общения российских немцев в условиях иноязычного окружения», № 14-04-00281, поддержанного в рамках Основного конкурса РГНФ.

1. Краткая историческая справка

Немецкая колония Екатериненштадт (Баронск, позднее – Екатериноград, Маркштадт, затем и сегодня – Маркс) [4] была основана в ходе иностранной колонизации пустующих земель на Нижней и Средней Волге. Колонисты последовали призыву российской императрицы Екатерины II, изложенному в пригласительных Манифестах 1763 и 1764 годов. На иностранцев правительство Екатерины II возлагало особые надежды как на носителей более передовой производственной культуры. На приглашение Екатерины II откликнулись в основном немцы. Основной причиной их эмиграции в Россию была Семилетняя война, приведшая к разрухе и голоду. По данным К. Штумпа, на Волгу переселилось 23 216 немцев и представителей некоторых других европейских стран [9, S. 20]. Всего в ходе колонизации в Поволжье в 1764-1767 годах было основано 106 немецких сёл [4].

2. Истоки диалекта Маркштадта

По данным пастора Келлера, приведенным в Книге записи актов гражданского состояния в церкви Екатериненштадта, которая хранится в Государственном историческом архиве немцев Поволжья [2, ед. хр. 14, л. 52 / об.], данную колонию основали в 1776 году выходцы из 44 местностей Германии. Наибольшее количество колонистов прибыло из Гессена и Ханау (61), и говорили они на гессенском диалекте. Саксонский диалект, относящийся к восточно-среднемецкому, был представлен выходцами из Саксонии, Анхальта (Дессау, Цербст) и Тюрингии – 79 человек, или 22% первых колонистов. Кроме того, были представлены нижне-немецкие диалекты: Бранденбург, Мекленбург, Магдебург, Гамбург, Любек, Бремен, Ганновер, Вестфалия, Липпе, Гольштейн, Мюнстер, Померания, Пруссия, Брауншвейг. К данной группе примыкают также диалекты Нидерландов и, видимо, язык выходцев из Курляндии.

Остальные колонисты говорили на верхнемецких диалектах и прибыли из Баварии, Франконии, Швейцарии, Богемии, Майнца, Пфальца, Нассау, Эльзаса, Люксембурга, Бадена, Австрии, Швабии, Трира, Вюртемберга, Вюрцбурга, Лотарингии. Кроме того, в колонии поселились также уроженцы немецких языковых островов во Франции, Силезии, Венгрии, Моравии и Польше и даже Англии. Всего в Церковной книге назван 401 колонист, из них 290 человек прибыли из немецкоязычных и 111 – из других европейских стран. Келлер, к сожалению, не приводит данных о том, на каких языках говорили переселенцы из других стран, но можно предположить, что они также владели немецким языком, так как в списке первых колонистов встречаются только типично немецкие фамилии.

Для исследования генезиса нового языкового варианта в колонии Екатериненштадт важно наличие среди первых её жителей большого числа немцев из восточно-средне немецких областей, которые потенциально могли владеть одним из четырех конкурировавших во второй половине XVIII века в Германии региональных языков – восточно-средне немецким.

Данный вариант формировался в течение нескольких веков со времен завоевания немецкими рыцарями западных славянских областей. Вследствие междиалектных контактов начались активные процессы и смешения принесенных завоевателями немецких диалектов с разными основами. Ко времени Реформации и деятельности Мартина Лютера данный вариант уже оформился как один из четырех вариантов немецкого письменного литературного языка. Так, по мнению Г. Мозера, в конце XVIII века на территории германских государств конкурировали несколько вариантов письменного литературного языка: восточно-средне немецкий (Ostmitteldeutsch), язык королевской канцелярии, мейсенский вариант немецкого языка и наддиалектный письменный литературный язык [8, S. 151]. Языковая деятельность Мартина Лютера, прежде всего перевод Библии на восточно-средне немецкий, его литературная деятельность, а также церковные реформы, в ходе которых богослужение стало проводиться на немецком языке, способствовали тому, что восточно-средне немецкий через Библию и другие религиозные тексты стал все активнее распространяться на всей территории Германии.

О большом влиянии данного регионального варианта свидетельствует тот факт, что текст Библии в переводе Лютера использовался также в регионах, которые остались католическими. Для определения истоков маркшадтского диалекта важен тот факт, что каждый пятый её житель говорил на восточно-средне немецком диалекте, то есть количественный фактор первых поселенцев, участвовавших в формировании единого диалекта данной колонии. В качестве следующего фактора, оказавшего большое влияние на формирование языка общения в новых гетерогенных в диалектном плане поселениях на Волге и в Причерноморье, В. М. Жирмунский и А. П. Дульзон называют первичные и вторичные признаки [3, с. 90; 5, с. 97-98]. Первичные, как более заметные, исчезают в первую очередь, а вторичные держатся дольше и становятся во многих случаях базой для нового общепринятого и понятного всем языкового варианта. В случае с диалектом Маркшадта носители диалекта с наименее заметными признаками, то есть колонисты из восточно-средне немецких областей, оказались в большинстве. Второй по численности группой колонистов в Екатериненштадте были жители Гессена (66 человек, или почти 17%), которые говорили на западно-средне немецких диалектах, наиболее близких по своей фонетической базе восточно-средне немецким диалектам. Поэтому они также оказали значительное влияние на формирование фонетической системы нового диалекта. Выходцы из других немецких земель вследствие их малочисленности и обширной географии эмигрантов, а также из-за наличия в их диалектах нижне немецких или чисто верхне немецких (баварских, алеманнских) форм оказали менее существенное влияние на фонетическую и лексическую базу формирующегося диалекта. Подробнее о фонетической основе маркшадтского (екатериненштадтского) диалекта см. статью автора [6].

Морфологическая система диалекта

3.1. Имя существительное

При анализе текстов на екатериненштадтском диалекте из Государственного исторического архива немцев Поволжья и Атласа диалектов поволжских немцев [1, д. 64, ед. хр. 14, л. 26-30; 10] можно констатировать, что морфологические отношения в нем выражаются аналитическим способом. В частности, полностью совпадают падежные окончания, и, таким образом, большое значение приобретают служебные слова. Так, например, вместо род. падежа используются только описательные конструкции с предлогом *von*: *dr deḡal fon kasḡa* (*der Deckel vom Kasten* вместо *der Deckel des Kastens* / крышка ящика). Отношения принадлежности выражаются также конструкцией винительный падеж с притяжательным местоимением *sein* (*sa*): *Den juḡ sa biḡar* (*die Bücher des Jungen* / книги мальчика), *hainriḡ sa fadr* (*Heinrichs Vater* / отец Генриха). Винительный и дательный падежи по форме не различаются. Они полностью совпадают и отличаются от именительного только при помощи артикля: *dr šḡul šḡet drin in dī šḡup* – *Der Stuhl steht drinnen in der Stube* / стул стоит в комнате. *Iḡ gē in di šḡup* – *Ich gehe in die Stube* / Я иду в комнату.

И, напротив, единственное число строго отличается от множественного. Приведем несколько видов образования множественного числа:

Множественное число с суффиксом *e*. По данному типу мн. число образуют существительные мужского, женского и среднего родов, некоторые из них могут принимать умлаут:

- dr diš* – *di dišə* (*der Tisch* – *die Tische*)
- di dīr* – *di dīrə* (*die Tür* – *die Türen*)
- s oux* – *di oujə* (*das Auge* – *die Augen*)
- s bein* – *di beinə* (*das Bein* – *die Beine*)
- di rap* – *di rāwə* (*die Rabe* – *die Raben*)
- di gas* – *di gazə* (*die Gasse* – *die Gassen*)
- di šḡras* – *di šḡrazə* (*die Straße* – *die Straßen*)
- dr ḡramf* – *di ḡremwə* (*der Krampf* – *die Krämpfe*)

От стандартного немецкого языка диалектный способ образования множественного числа отличается у существительных среднего и женского родов, например: *das Auge* – *die Augen*, *die Rabe* – *die Raben*. Отсутствие суффикса *n* в форме мн. числа объясняется редукцией конечного *e* практически во всех словах, которые в стандартном языке этот гласный имеют.

Суффикс *r* и умлаут. По данному типу мн. число образуют почти все существительные среднего рода:

- s blat* – *di bleder* (*das Blatt* – *die Blätter*)
- s dax* – *di dejər* (*das Dach* – *die Dächer*)

s kint – di kinr (das Kind – die Kinder)
s rint – di rinr (das Rind – die Rinder)
s šdīljə – di šdīljər (das Stühlchen – die Stühlchen)
s bux – di bijər (das Buch – die Bücher)
s dūx – di dijər (das Tuch – die Tücher)
s ei – di aijər (das Ei – die Eier)

Отличительной особенностью данного диалекта является выпадение звонкого **d** перед сонорными согласными: *skint – di kinr*, *srint – di rinr*. Кроме того, во множественном числе существительных среднего рода появляется дополнительный звук **r**, то есть практически новый суффикс, который отсутствует в стандартном языке: *s šdīljə – di šdīljər*. В данном случае, видимо, образование формы шло по закону аналогии, как в *s dūx – di dijər* (das Tuch – die Tücher).

Множественное число без суффикса при помощи умлаута. По данному типу мн. число образуют существительные мужского и женского рода:

di want – di went (die Wand – die Wände)
dr boum – di bēm (der Baum – die Bäume)
dr naʒəl – di nēʒəl (der Nagel – die Nägel)
dr arm – di ärm (der Arm – die Ärme)
dr bart – di bārt (der Bart – die Bärte)
dr štrump – di štrimp (der Strumpf – die Strümpfe)
dr bok – di bek (der Bok – die Böke)
dr kop – di kep (der Kopf – die Köpfe)
dr dōp – di dep (der Topf – die Töpfe)
dr trox – di trex (der Trog – die Tröge)
dr korp – di kārʔ (der Korb – die Körbe)
dr hof – di hēf (der Hof – die Höfe)
dr owə – di öwə (der Ofen – die Öfen)
di gants – di gents (die Gans – die Gänse)
di doxdr – di dexdr (die Tochter – die Töchter)

В данных примерах также видна сплошная редукция безударного конечного **e**, что является вообще одной из самых характерных черт любого немецкого диалекта, и делабилизация звуков (**ö > e**). Этот случай еще раз доказывает, что диалекты в условиях языкового острова сохраняют свой внутренний генетический потенциал.

3.2. Имя прилагательное

Склонение имен прилагательных представляет собой яркий пример языковой экономии: во всех падежах имена прилагательные имеют окончание **ə**:

s sin šlexdə tsaidə (Nom.) – *Es sind schlechte Zeiten* / Плохие времена.

Dr gūdə alđə man iz ins kaldə wazr gfalə (Akk.) – *Der gute alte Mann ist ins kalte Wasser gefallen* / Добрый пожилой мужчина упал в холодную воду.

Iç hab ma kleinə šwesdr ə bux gəgewə (Dat.) – *Ich habe meiner kleinen Schwester ein Buch gegeben* / Я дал своей сестре книгу.

di truḡnə bledr flījə in di luft rum (Nom. Plur.) – *Die trockenen Blätter fliegen in der Luft herum* / Сухие листья кружатся в воздухе.

Mr hawə di bēzə gents tsa haus gədrīwə – *Wir haben die bösen Gänse nach Hause getrieben* / Мы прогнали злых гусей домой.

di hawə uf di laŋə benk ḡālējə – *Die haben auf der langen Bank gelegen* / Они лежали на длинной скамье.

Если перед именем прилагательным стоит неопределенный артикль, притяжательное местоимение или отрицание *kein* (*ka*, *kei*), то прилагательное принимает падежное окончание, как в стандартном языке: *ma ilīwəs kint*, *blaip hīr štēn*.

N gūdr aldr man is ins kaldə wazr gfalə – *Ein guter alter Mann ist ins kalte Wasser gefallen* / Добрый пожилой мужчина упал в холодную воду.

Nə waizə gants is ufs wazr gašwomə – *Eine weiße Gans ist auf dem Wasser geschwommen* / Белый гусь плавал в воде.

Mai jīnsdr brūdr is in di šul gaŋə – *Mein jüngster Bruder ist in die Schule gegangen* / Мой младший брат пошел в школу.

da is ja kei einzijəs blat haḡīr nijəmār da – *Da ist ja kein einziges Blatt Papier nicht mehr da* / Здесь не осталось ни одного листа бумаги.

Wu hast n da naiəs haus hiŋgəbaut? – *Wo hast du denn dein neues Haus hingebaut?* / Где же ты построил свой новый дом?

Степени сравнения прилагательных в диалекте морфологически не отличаются от форм стандартного языка. Сравнительная и превосходная степени образуются, соответственно, при помощи суффикса **-er (r)** и **-ste (st)**: *alt – eldr – drelst* (*alt – älter – der älteste*), *šēn – šenər – dr šenst* (*schön – schöner – der schönste*), *šmāl – šmelr – dr šmelst* (*schmal – schmalere – der schmalste*), *šarf – šārfr – dr šārfst* (*scharf – schärfer – der schärfste*), *rōt – rēdr – dr rēst* (*rot – röter – der rötteste*). Отклонения от стандартного немецкого языка представляет собой степени сравнения прилагательного *viel*: *fil – mār – dr māršt* (*am meisten*).

3.3. Глагол

В качестве вспомогательных глаголов употребляются *sein* (*sin*), *haben* (*hawə*), *tun* (*dūn*). Парадигма спряжения глагола в настоящем времени (презенс) полная, представлены все лица. Однако фонетически наименования трёх лиц, а именно 3 л. ед. ч., 1 и 3 л. мн. ч. отличаются от стандартного немецкого языка.

презенс		перфект	
1. <i>iç bin</i>	1. <i>mir sin</i>	1. <i>iç bin gəwēzə</i>	1. <i>mir sin gəwēzə</i>
2. <i>du bist</i>	2. <i>ir sait</i>	2. <i>du bist gəwēzə</i>	2. <i>ir sait gəwēzə</i>
3. <i>där is</i>	3. <i>dī sin</i>	3. <i>där is gəwēzə</i>	3. <i>di sin gəwēzə</i>

претерит		плюсквамперфект	
1. <i>iç wār</i>	1. <i>mir wārə</i>	1. <i>iç wār gəwēzə</i>	1. <i>mir wārə gəwēzə</i>
2. <i>du wāršt</i>	2. <i>ir wārt</i>	2. <i>du wāršt gəwēzə</i>	2. <i>ir wārt gəwēzə</i>
3. <i>der wār</i>	3. <i>dī wārə</i>	3. <i>där wār gəwēzə</i>	3. <i>di wārə gəwēzə</i>

Конъюнктив			
1. <i>iç wār</i>	1. <i>mir wārə</i>		
2. <i>du wāršt</i>	2. <i>ir wārt</i>		
3. <i>der wār</i>	3. <i>dī wārə</i>		

Глагол *haben* (*hawə*)

презенс		перфект	
1. <i>iç hab</i>	1. <i>mir hawə</i>	1. <i>iç hab gəhat</i>	1. <i>mir hawə gəhat</i>
2. <i>du hast</i>	2. <i>ir habt</i>	2. <i>du hast gəhat</i>	2. <i>ir habt gəhat</i>
3. <i>där hat</i>	3. <i>dī hawə</i>	3. <i>där hat gəhat</i>	3. <i>di hawə gəhat</i>

презенс		перфект	
1. <i>iç hab</i>	1. <i>mir hawə</i>	1. <i>iç hab gəhat</i>	1. <i>mir hawə gəhat</i>
2. <i>du hast</i>	2. <i>ir habt</i>	2. <i>du hast gəhat</i>	2. <i>ir habt gəhat</i>
3. <i>där hat</i>	3. <i>dī hawə</i>	3. <i>där hat gəhat</i>	3. <i>di hawə gəhat</i>

претерит индикатив		претерит конъюнктив	
1. <i>iç hat</i>	1. <i>mir hadə</i>	1. <i>iç het</i>	1. <i>mir hedə</i>
2. <i>du hast</i>	2. <i>ir hat</i>	2. <i>du hest</i>	2. <i>ir het</i>
3. <i>där hat</i>	3. <i>dī hadə</i>	3. <i>där het</i>	3. <i>di hedə</i>

Плюсквамперфект, как и во всех немецких диалектах, заменяется претеритом и перфектом.

Глагол *tun* (*dūn*)

Презенс		Претерит конъюнктив:	
1. <i>iç dū</i>	1. <i>mir dūn</i>	1. <i>iç dēt</i>	1. <i>mir dēdə</i>
2. <i>du dūst</i>	2. <i>ir dūt</i>	2. <i>du dēst</i>	2. <i>ir dēd</i>
3. <i>där dūt</i>	3. <i>dī dūn</i>	3. <i>där dēt</i>	3. <i>di dēdə</i>

Претерит индикатив глагола *tun* заменяется перфектом: *iç hab däs net gətān*.

Претерит конъюнктив глагола *tun* (*dūn*) употребляется в кондиционалисе вместо *würde*: *du dēst bezr ufhārə mit dai dumhaidə* (*Du würdest lieber aufhören mit deinen Dumheiten* / Ты бы лучше прекратил свои глупости). *Iç dēt gärn was gudəs erzēlə* (*Ich würde gern etwas Gutes erzählen* / Я бы охотно рассказал о чем-нибудь хорошем). В плюсквамперфекте и перфекте глагол *dūn* заменяется на *machen*:

1. *iç hat (s) gəmaxt*
2. *du hast (s) gəmaxt*
3. *der hat (s) gəmaxt*

Форму имперфекта в диалекте имеют только некоторые глаголы. Прежде всего, это вспомогательные глаголы *sein* (*sin*), *haben* (*hawə*), модальные глаголы *sollen* (*solə*), *wollen* (*wolə*), *dürfen* (*därwə*), *müssen* (*mizə*), *können* (*kenə*), *wissen* (*wizə*) и такие глаголы, как *sagen*, *denken* (*saxt*, *daxt*). Вместо *würde* в диалекте употребляется вспомогательный глагол *tun* в претерите: *iç dēt gärn fortgēiə* (*Ich tät gerne fortgehen* / Я бы с удовольствием ушел). В презенсе в диалекте вместо этого употребляется модальный глагол *wollen*: *Der will niks wizə drifun* (*Er will davon nichts wissen* / Он ничего не хочет знать об этом).

В системе личных местоимений формы дательного и винительного падежей не отличаются друг от друга: есть универсальные формы *miç* (вместо *mir*, *mich*), *diç* (вместо *dir*, *dich*), *ən* (вместо *ihm*, *ihn*).

Им. пад.	<i>Ich (iç) wir (mir)</i>	<i>du (du) ihr (ir)</i>	<i>er (är) sie (si) es (s)</i>
Род. пад.	--	--	---
Дат. пад.	<i>mir (miç), uns (uns)</i>	<i>dir (diç), euch (aiç)</i>	<i>ihm (ən), ihr (sə), es (s)</i>
Вин. пад.	<i>mich (miç), uns (uns)</i>	<i>dich (diç), euch (aiç)</i>	<i>ihn (ən), sie (sə), es (s)</i>

4. Заключение

Таким образом, морфологическая система маркшплатдского диалекта развивалась по основным законам немецкого языка. Однако вследствие отсутствия письменной формы диалект развивался, прежде всего, по общим генетическим законам развития немецких диалектов.

Так, что касается морфологической системы, то формы множественного числа имён существительных и система склонения имён прилагательных упрощены вследствие действия закона языковой экономии.

Категория времени глагола имеет неполную парадигму: у некоторых глаголов отсутствуют временные формы претерит и плюсквамперфект, а также формы футурума. Наблюдается синкретизм падежей: дательный и винительный падежи совпадают. Отсутствует родительный падеж, вместо него используется препозиционный дательный падеж.

Сказанное доказывает тот факт, что диалекты, которые находятся в условиях языкового острова, то есть в изоляции от материнского языка и в иноязычном окружении, не имея письменной формы, сохраняют основные тенденции развития, преддетерминированные законами данного языка.

К факторам, способствовавшим распространению этого диалекта (койне) в Екатериненштадте, относятся следующие. По своему коммуникативному радиусу диалект не был ограничен только семейной приватной сферой, как это происходит в том случае, если в качестве языка окружения диалект имеет литературный язык, который используется во всех официальных сферах, прежде всего в системе образования. Данный диалект был самым распространенным средством коммуникации в колонии. Исключения составляли школа и церковь, в которых практиковался литературный язык. Последним жители Екатериненштадта владели в основном в пассивной форме. В повседневном общении основным средством коммуникации было сформировавшееся в ходе смешения диалектов колониальное койне, или полудиалект данного поселения. С учетом значимости Екатериненштадта как самой крупной немецкой колонии в Поволжье данный полудиалект имел все возможности стать одним из региональных языков. Однако данный процесс не получил логического продолжения в связи с крупными социально-политическими изменениями начала XX века, связанными с Первой мировой войной и революцией 1917 года. В ходе этих событий немецкая деревня на Волге была вовлечена в процесс интеграции с окружающим иноязычным населением. В данный языковой вариант стала интенсивно проникать новая лексика из литературного немецкого языка и заимствования из русского языка. Многие немцы осваивали русский язык, то есть становились билингвами. Усилилось влияние немецкого литературного языка через официальные органы власти, инструментом которых были, прежде всего, печатные СМИ [7]. Все эти факторы привели к нарушению структуры диалекта. Диалект стал «окультуриваться», его лексика стала обогащаться неологизмами, возникшими в ответ на появление новых понятий, связанных с коренными преобразованиями в ходе революции и других социально-политических событий. Таким образом, диалект занял свою нишу, которая предопределена ему в обществе, где наряду с диалектом функционирует литературный язык.

Логичным завершением процесса формирования поволжско-немецкого варианта немецкого языка могла стать диглоссия: литературный немецкий язык – полудиалект или региональное койне. Однако депортация немецкого населения из Поволжья и других центральных регионов Советского Союза в Сибирь и Казахстан в 1941 году прервала данный процесс естественной эволюции немецкого языка в условиях компактного проживания почти полумиллионного населения и наличия у немецкого языка статуса официального языка в Автономной Советской Социалистической Республике Немцев Поволжья.

Список литературы

1. Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 1821. Оп. 1.
2. ГИАНП. Ф. 1821. Оп. 2, о/д.
3. Дульзон А. П. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья // Известия Академии наук Союза ССР. Отд-ние литературы и языка. 1941. № 3. С. 82-96.
4. Екатериненштадт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wolgadeutsche.net/list/katharinenstadt.htm> (дата обращения: 27.09.2014).
5. Жирмунский В. М. Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах южной Украины // Язык и литература. Л., 1931. Т. VII. С. 93-109.
6. Минор А. Я. Смешение диалектов в условиях иноязычного окружения как фактор формирования новых языковых вариантов [Электронный ресурс] // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2014. № 3 (15). URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/minor_itog.pdf (дата обращения 15.10.2014).
7. Небайкина А. В. Заимствование и переключение кода как пути реализации языкового контакта в текстах газеты «Der Kolonist» 1917-18 гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2004. 20 с.
8. Moser H. Deutsche Sprachgeschichte, mit einer Einführung in die Fragen der Sprachbetrachtung. 6. Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. 227 S.
9. Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. 8. Auflage. Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland. Stuttgart, 2004. 1018 S.
10. Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) / aufgrund der v. G. Dinges 1925-1929 gesammelten Materialien. Bear. und hrsg. V. N. Berend. Unter Mitwirkung von Rudolf Post. Tübingen – Basel, 1997. 320 S.

MORPHOLOGICAL SYSTEM OF MARX-STADT DIALECT

Minor Aleksandr Yakovlevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
a-minor27@yandex.ru

The article considers the process of colonial koine formation in the largest German colony in the Volga region – Ekaterinen-stadt (Marx-stadt), and studies linguistic and extralinguistic factors that influenced the status and form of the dialect. By the example of the morphological system and some phonetic processes it is shown what type of a single language of colony inhabitants' communication had formed to the beginning of the XX century.

Key words and phrases: dialects of Volga Germans; conditions of formation of single language version of communication under conditions of foreign language environment (language of island); morphological system of colonial koine.